КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1882 года № 14 30-го іюля.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ; цѣна годовому изданію 4 рубля съ пересылкою; съ Воскреснымъ Чтеніемъ (выходитъ еженедѣльно) 7 руб.

За напечатаніе объявленій взимается плата за строку или ея мѣсто за 1 разъ по 20 коп., за каждый слѣдующій разъ по 10 коп.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Разрядный списокъ учениковъ кіево-софійскаго духовнаго училища, составленный въ общемъ собраніи правленія и учителей 12—25 іюня 1882 года.

Классъ четвертый.

Разрядъ І-й.

За окончаніемъ курса училищныхъ наукъ, означенные ученики увольняются изъ училища: Виноградскій Карпъ, Козицкій Нектарій, Надемскій Владиміръ, Радзіевскій Стефанъ, Радзіевскій Александръ, Кукулевскій Іосифъ, Радзіевскій Леонидъ, Поржецкій Павелъ.

Разрядъ ІІ-й.

Новоборскій Корнилій, Кудревичъ Михаилъ, Захаріевичъ Иванъ, Коломацкій Александръ, Крижановскій Маркъ, Хижняковъ Филиппъ, Левитскій Василій, Каковскій Григорій, Крижановскій Макарій, Кукулевскій Николай, Витвицкій Алипій, Гаевскій Викторъ, Сытникъ Тимоѳей, Шумовскій Ѳеоктистъ, Андріевскій Андрей, Мельниковъ Иннокентій, Контрапевичъ Петръ, Когодовскій Михаилъ.

Разрядъ ІІІ-й.

Бѣгановскій Иванъ, Шереметинскій Алексѣй, Загоровскій Ѳеодоръ, Клебановскій Іустинъ, Омшанскій Антонъ, Захаріевичъ Григорій, Лавровскій Иванъ, Скалозубовъ Аполлонъ, Солуха Флегонтъ, Левитскій Петръ.

Классъ третій.

Разрядъ І-й.

Переводятся въ четвертый классъ: Соловьевъ Меѳодій, Гороновскій Владиміръ, Колтоновскій Александръ, Кара-Стояновъ Александръ, Архиповичъ Николай.

Разрядъ ІІ-й.

Шумовскій Николай, Горбачевскій Михаилъ, Кобылковскій Петръ, Шулькевичъ Яковъ.

Будетъ переведенъ, если удовлетворительно выдержитъ переэкзаменовку по греческому яз.,—Горбачевскій Петръ.

Переводятся въ четвертый классъ: Бѣляновскій Николай, Гиричъ Николай.

Будетъ переведенъ, если удовлетворительно выдержитъ переэкзаменовку по греческому языку—Ганицкій Николай.

Переводятся въ 4-й классъ: Солуха Михаилъ, Евтимовичъ Никифоръ.

Будетъ переведенъ, если удовлетворительно выдержитъ переэкзаменовку по латинскому языку: Саковичъ Ѳеодоръ.

Переводится въ 4-й классъ: Кустовскій Владиміръ.

Будутъ переведены въ 4-й классъ, если удовлетворительно выдержатъ переэкзаменовку: 1-й по греческому языку, 2-й по ариѳметикѣ и 3-й по русскому языку: Захаріевичъ Владиміръ, Коноплянка Владиміръ, Бытачевскій Іона.

Будутъ переведены въ 4-й классъ, если удовлетворительно выдержатъ переэкзаменовку: 1-й по ка-

тихизису, 2-й по латинскому языку и 3-й по географіи: Крыжановскій Виталій, Шумовскій Тимоѳей, Мировичъ Павелъ.

Будутъ переведены въ 4-й классъ съ причисленіемъ ко 2-му разряду, если удовлетворительно выдержатъ переэкзаменовку по греческому языку: Кукулевскій Василій, Руткевичъ Гавріилъ.

Разрядъ III-й.

Оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ: Терравскій Михаилъ, Шиманскій Терентій, Пашковскій Михаилъ, Самойловичъ Автономъ.

Увольняется изъ училища по малоуспѣшію: Соколовскій Терентій.

Оставляется въ томъ же классѣ на повторительный курсъ: Шулькевичъ Петръ.

Классъ второй.

Разрядъ I-й.

Переводятся въ третій классъ: Самойловичъ Александръ, Коврименко Андрей, Яциневичъ Яковъ, Витвицкій Иванъ, Матушевичъ Павелъ, Дирдовскій Порфирій, Мировичъ Ѳеофилактъ, Римаревскій Иларіонъ.

Разрядъ II-й.

Буткевичъ Михаилъ, Сенаторскій Николай, Тихоневичъ Ѳеодоръ, Цвѣтковскій Даніилъ, Козляковскій Григорій, Ганькевичъ Евменій, Калишевскій Михаилъ, Мрешукъ Андрей, Левитскій Андрей, Скульскій Алексѣй, Шереметинскій Викторъ, Кобылковскій Григорій, Захаріевичъ Стефанъ.

Будутъ переведены въ 3-й классъ, если удовлетворительно выдержатъ переэкзаменовку по греческому языку: Поповскій Михаилъ, Гаевскій Павелъ.

Переводятся въ 3-й классъ: Саноцкій Иванъ, Мяунъ Филиппъ.

Будетъ переведенъ въ 3-й классъ, если удовлетворительно выдержитъ переэкзаменовку по греческому языку—Сваричевскій Петръ.

Будутъ переведены въ 3-й классъ съ причисленіемъ ко 2-му разряду, если удовлетворительно выдержатъ переэкзаменовку: 1-й по ариѳметикѣ, 2-й по греческому языку и 3-й по русскому языку: Коломацкій Владиміръ, Комендантъ Антонъ, Новитскій Василій.

Оставляется въ томъ же классѣ на повторительный курсъ: Залуцкій Стефанъ.

Разрядъ III-й.

Будетъ переведенъ въ третій классъ, если удовлетворительно выдержитъ переэкзаменовку по греческому и латинскому язык. Латушка Ѳеодотъ.

Увольняется изъ училища по прошенію: Новоселецкій Автономъ.

Оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ: Хмѣлевскій Яковъ, Новоселовъ Владиміръ.

Будетъ переведенъ въ 3-й классъ, если удовлетворительно выдержитъ переэкзаменовку, по русскому и греческому языкамъ: Значковскій Евграфъ.

Оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ: Каковскій Николай, Калиновскій Николай, Когодовскій Михаилъ, Зацневскій Стефанъ.

Оставляется въ томъ же классѣ по болѣзни: Яроцкій Ѳеодоръ.

Классъ первый.

Разрядъ I-й.

Переводятся во второй классъ: Старовойтенко Павелъ, Каковскій Антонъ, Старжевскій Симеонъ, Латушка Александръ, Мировичъ Григорій, Надемскій Андрей, Ганицкій Василій, Орловскій Николай, Дробницкій Николай, Надольскій Григорій, Молчановскій Ѳеофилъ.

Разрядъ II-й.

Ганькевичъ Григорій, Кравцовъ Стефанъ, Ткачукъ Сергій, Кукулевскій Павелъ, Завадинскій Константинъ.

Будутъ переведены, если удовлетворительно выдержатъ переэкзаменовку по русскому языку: Семинскій Порфирій, Андріевскій Константинъ.

Переводятся во 2-й классъ: Крыжановскій Петръ, Бытачевскій Александръ.

Будутъ переведены, если удовлетворительно выдержатъ переэкзаменовку по св. исторіи: Балицкій Григорій, Линчевскій Платонъ.

Будетъ переведенъ во 2-й классъ, если удовлетворительно выдержитъ переэкзаменовку по письменному упражненію русскаго яз. Шумановскій Корнилій.

Разрядъ III-й.

Оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ: Спасскій Гавріилъ, Забродскій Алексѣй, Тетеруковскій Григорій.

Будетъ переведенъ во 2-й классъ, если удовлетворительно выдержитъ переэкзаменовку по русскому и латинскому языкамъ: Сикачинскій Николай.

Оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ: Самборскій Платонъ, Кострица Исидоръ.

Увольняется изъ училища по малоуспѣшію: Сохачъ Николай.

Увольняется изъ училища по малоуспѣшію: Малькевичъ Григорій.

Оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ: Кобылковскій Виталій, Смялковскій Иванъ.

Классъ приготовительный.

Разрядъ 1-й.

Переводятся въ первый классъ: Крупскій Александръ, Мельниченко Харитонъ, Погорѣловъ Иванъ, Шереметинскій Михаилъ, Ковалевскій Климентъ, Ковальскій Александръ, Рыбчинскій Сергій, Духовскій Өеодоръ, Соколовскій Стефанъ.

Увольняется изъ училища, согласно прошенію для поступленія въ Полтавское духовное училище: Мараховскій Владиміръ.

Переводятся въ 1-й классъ: Пашковскій Вячеславъ, Хотинскій Игнатій, Торскій Иларіонъ, Соколовскій Николай, Мировичъ Аристархъ, Сугакъ Петръ.

Разрядъ II-й.

Ковальскій Иванъ, Знячковскій Григорій, Варгулевичъ Серапіонъ, Линчевскій Алексѣй, Таргоній Аѳанасій, Хмѣлевскій Александръ, Вавриновичъ Михаилъ, Когодовскій Василій, Бѣляновскій Александръ, Визерскій Стефанъ.

Будетъ переведенъ въ 1-й классъ, если удовлетворительно выдержитъ переэкзаменовку по ариѳметикѣ: Славинскій Василій.

Разрядъ III-й.

Будетъ переведенъ въ 1-й классъ, если удовлетворительно выдержитъ переэкзаменовку по закону Божію и русскому языку: Шемеранскій Павелъ.

Оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ: Когодовскій Митрофанъ, Шереметинскій Константинъ, Григоренко Захарія.

Увольняются изъ училища по малоуспѣшію: Дмитріевъ Маркъ, Захаріевичъ Сергій.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Братскій совѣтъ новорукоположенному въ сельскій приходъ священнику.

*(Продолженіе *).*

18) Начинается ваше знакомство съ приходомъ. Первый вашъ ближній въ приходѣ это безъ сомнѣнія вашъ причетникъ. По идеѣ нашего богослуженія всѣ стоящіе въ церкви должны бы участвовать въ пѣніи того, что поетъ у насъ одинъ клиросъ. И я не могу представить себѣ ничего торжественнѣе, ничего возвышеннѣе, ничего благотворнѣе для души молящагося, какъ это общее, хотя бы то и не вполнѣ стройное пѣніе всѣхъ сущихъ въ церкви, этой скиніи Божіей съ человѣки. Идея эта, благодареніе Богу, начинаетъ по немногу осуществляться въ нашихъ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ. Надѣемся, что Богъ дастъ нѣкогда и этому сѣмени горчичному развиться въ древо вѣтвистое на радость птицамъ небеснымъ и звѣрямъ земнымъ. Но пока еще это благочестивая мечта, и въ нашихъ церквахъ поетъ только клиросъ въ болѣе или менѣе собирательномъ подъ руководствомъ причетника смыслѣ, а часто поетъ и одинъ только причетникъ, какъ бы уполномоченный отъ всѣхъ молящихся, которые за его голосомъ слѣдятъ сердцемъ, а часто и устами. Отсюда вытекаетъ его обязанность читать и пѣть медленно и благоговѣйно. Но поэтому именно онъ и есть вашъ первый и ближайшій къ вамъ прихожанинъ, съ которымъ вы будете не разлучны при каждомъ богослуженіи и съ которымъ слѣдовательно вы должны быть всегда въ ладу, въ мирѣ, въ братской любви.

Казалось бы, что можетъ быть легче для настоятеля-начальника, какъ жить въ согласіи съ подчиненнымъ причетникомъ. Это значитъ отдавать только ему должное изъ доходовъ. А между тѣмъ спросите того-другаго причетника, доволенъ ли онъ своимъ настоятелемъ?—и вы безъ сомнѣнія услышите похвалу и благодарность отъ одного, но въ тоже время услышите отъ другаго жалкую повѣсть о криводушіи и о такой грязи, о которой нелѣть и глаголати. Вы спрашиваете себя въ негодованіи: стоило ли проходить 12-лѣтній курсъ ученія, чтобы съумѣть обижать слабаго? И вы, собратъ, совершенно правы. Обидить слабаго съумѣетъ и послѣдній невѣжа. А эти о. о. настоятели, увѣренные въ своей силѣ и въ безсиліи причетниковъ, и не подумаютъ о томъ, къ какимъ печальнымъ выводамъ на счетъ ихъ умственнаго и нравственнаго уровня на основаніи однихъ этихъ грязныхъ фактовъ обижательства причетниковъ приходитъ видящее и слышащее все это приходское общество.

Безъ сомнѣнія и обижаемые причетники имѣютъ нервы плотяные же, а не изъ желѣзной проволоки. Одинъ горько плачетъ и съ покорностью судьбѣ возверзаетъ печаль свою ко Господу. Другой заноситъ письменную жалобу, которая обыкновенно въ такихъ или иныхъ конвульсіяхъ замираетъ въ Благочинническомъ Совѣтѣ, состоящемъ изъ тѣхъ же солидарныхъ по интересамъ священниковъ, которые и при выборѣ благочиннаго шеп-

*) См. № 11.

тались: „не избирайте такого-то, онъ вѣдь сторонникъ причетниковъ“... Третій, потерявъ терпѣніе, зальетъ себѣ за галстукъ, перебьетъ всѣ окна у настоятеля съ причитываніемъ разныхъ любезностей, да и прощай духовное званіе: благо, что молодъ и сноснымъ почеркомъ владѣетъ. Четвертый, пожалуй, простретъ свою дерзость и дальше,—различные, видите ли, характеры бываютъ. За то пятый поведетъ политику совсѣмъ инаго рода. Онъ ходитъ по приходу, жалуется и плачется на настоятеля предъ каждымъ встрѣчнымъ, раскрываетъ всѣ закулисности его служебной и семейной жизни, припишетъ ему иной разъ и такое слово и дѣло, о которомъ тотъ и не думалъ, и—вотъ въ приходѣ начинается говоръ волнъ, потомъ неуваженіе и вражда къ священнику, далѣе придирки и открытая ссора прихожанъ съ пастыремъ, затѣмъ одинъ только шагъ до формальной жалобы, а за этою радостью конечно слѣдуетъ формальное слѣдствіе съ участіемъ депутата отъ гражданской стороны!.... Положимъ, что слѣдствіе можетъ окончиться полнымъ оправданіемъ отвѣтчика: но, собратъ, не дай вамъ Богъ испытывать это горькое-горькое оправдываніе... Былъ я при многихъ дѣлахъ и слѣдователемъ и сотрудникомъ и домашнимъ повѣреннымъ: узналъ я эти дѣла, чтобъ ихъ никому не знать... Предупреждаю васъ, собратъ, что большинство ихъ возникаетъ изъ этого грязнаго источника недобросовѣстныхъ отношеній настоятеля къ причетнику.

Вы, благородный собратъ, никогда не дойдете до такой низости, чтобы въ родительскую субботу собственно-ручно раздѣлять принесенный въ церковь хлѣбъ, выбирая себѣ что поболѣе и швыряя дьячку то, что кажется похуже. Для этого есть нейтральный дѣлитель—староста или сторожъ, да и при этомъ нейтральномъ дѣлежѣ вы намѣренно уклонитесь въ алтарь или притворъ, чтобы не дать себѣ замѣтить иной разъ бывающаго со стороны старосты естественнаго пристрастія къ бѣдняку дьячку.

Вы безъ сомнѣнія не прикажете старостѣ выдѣлять для дьячка *четвертый* хлѣбъ, хотя тамъ въ иномъ „календарѣ для духовенства“ и напечатано, что причетнику слѣдуетъ четвертая часть дохода. Вы разсудите, что это напечатано для тѣхъ корыстолюбцевъ, которые, если бы то было возможно, не дали бы дьячку и пятаго хлѣба. Вамъ извѣстенъ отцовскій и дѣдовскій, по силѣ вѣковой у васъ давности равный закону обычай въ дѣлежѣ именно хлѣбнаго припаса давать дьячку третью часть. Поэтому въ вашей благородной душѣ не найдетъ мѣста это жалкое злорадство, говорящее иногда бѣдняку причетнику: „на, вотъ читай, что въ календарѣ написано,—жди же теперь четвертаго хлѣба!..“

Вы изъ личной мести причетнику не станете подъ благовиднымъ предлогомъ церковной пользы отнимать у него и этотъ несчастный, „позвонный по душѣ“ доходъ на томъ неловко придуманномъ основаніи, что колокола церковные. Будучи послѣдовательнымъ, вы разсудите, что и ризы церковныя, и книги церковныя, и свѣчи церковныя, и однако я, священнодѣйствуя во всей этой церковной обстановкѣ, получаю въ свой собственный карманъ деньги за молебны и паннихиды. Ужели же разбогатѣетъ моя церковь, если я вопреки вѣковому обычаю и правилу лишу горемыку дьячка этихъ жалкихъ 3—10 копѣекъ, которыхъ онъ иногда ждетъ—не дождется, чтобы купить для дѣтей соли, этого сахару бѣдняковъ?...

Вы, я думаю, никогда не станете заводить у себя эту неумѣстную „кружку“ для собиранія денежнаго дохода, чтобы дѣлиться имъ съ причетникомъ по истеченіи цѣлаго мѣсяца. Вы разсудите: въ моемъ-то карманѣ все таки по временамъ рубль—другой шевелится, да пожалуй при нуждѣ найдется кое что и продать, а у дьячка ни того ни другаго не окажется; зачѣмъ же мнѣ вводить его въ долги, да и законно ли съ моей стороны удерживать поденную плату бѣднаго работника?

По полученіи жалованья у васъ безъ сомнѣнія не хватитъ рѣшимости сказать причетнику: „изъ твоего жалованья я удерживаю *столько-то* на покрытіе моихъ путевыхъ по поѣздкѣ въ уѣздное казначейство издержекъ“. При самой скрупулезной разсчетливости вы-разсудите: такъ какъ изъ получаемыхъ мною денегъ причетнику слѣдуетъ только седьмая часть, то я съѣзжу въ казначейство шесть разъ, а причетнику дамъ довѣренность на седьмой разъ, и мы будемъ квиты.

Вы не станете измѣнять старыхъ межевыхъ знаковъ на церковной землѣ, чтобы поле причетника очутилось въ худшемъ и уменьшенномъ положеніи; вы не станете обдѣлять бѣдняка и на этомъ *участкѣ Божіемъ*... Собратъ, благородный собратъ! Господь воздастъ вамъ за вашу справедливость и миромъ и прибыткомъ.

Но, быть можетъ, у васъ не „дьячекъ стараго покроя“, а новый „псаломщикъ“, подобно вамъ

окончившій учебный курсъ семинаріи? О, къ г. псаломщику отношенія совсѣмъ инаго рода, особенно когда у настоятеля есть дочь невѣста. Я не буду касаться этихъ совершенно естественныхъ отношеній, ставшихъ уже съ нѣкотораго времени притчею нашихъ гостинныхъ. Но я долженъ обратить ваше просвѣщенное вниманіе на одно весьма важное обстоятельство въ вопросѣ о псаломщикахъ, этихъ „даточныхъ рекрутахъ" нашего церковнаго воинства. Псаломщикъ—это будущій пастырь прихода. Онъ проходитъ трехлѣтній искусъ предъ полученіемъ священства. Но этотъ искусъ есть для него школа и, какъ знаете по опыту, вовсе не alma mater, а суровая, скупая мачиха, которая при его совершеннолѣтнемъ развитіи и вырабатывающемся характерѣ держитъ его въ тискахъ, дрессируетъ его безъ всякой церемоніи и въ 3-хълѣтній курсъ уже навѣрное выдрессируетъ его въ такомъ, или другомъ направленіи. Благо ему, если онъ попадетъ къ доблестному настоятелю, который будетъ для него тѣмъ, чѣмъ былъ Павелъ для Аполлоса и Варнавы. Но позвольте спросить: въ древней Спартѣ всѣ ли спартанцы были доблестные мужи? Безъ сомнѣнія вы согласитесь, что люди вездѣ люди, почему и Спарта умерла и Спарты уже нѣтъ. Вѣроятно при обсужденіи вопроса объ ученыхъ псаломщикахъ въ ихъ *настоящемъ обезпеченіи* имѣлось между прочимъ въ виду, что если они при самомъ скудномъ жалованьи и своихъ несчастныхъ грошевыхъ доходахъ научатся *жить въ скудости*, то по закону навыка и по полученіи священства не будутъ стремиться за большими доходами. Но, кажется, имѣетъ право на вниманіе и законъ реакціи, по которому напримѣръ долго томимый голодомъ бѣднякъ не пропуститъ случая объѣсться до болѣзни при первой же возможности. Правда, что реакція бываетъ и въ дурномъ и въ хорошемъ направленіи. Приводили же Спартанцы пьяныхъ илотовъ въ общество своихъ дѣтей, дабы научить послѣднихъ трезвости. Но это вовсе не доказываетъ, что въ Спартѣ не было пьяницъ, иначе не для кого было бы держать и тотъ напитокъ, которымъ при случаѣ одурялись илоты. Развѣ реакція въ хорошую сторону не есть даръ рѣдкихъ и рѣдкихъ натуръ? Развѣ у насъ трезвенный сынъ родителей—пьяницъ не есть явленіе исключительное? Есть еще иной гораздо болѣе сильный и, можно сказать, неотразимый законъ и для особей и для цѣлыхъ обществъ, законъ, унаслѣдованный нами отъ Адама,—это наше общее exempla trahunt... И вотъ гдѣ опасность, чреватая важными послѣдствіями, какъ для той стороны, которая, не умѣя, или не хотя дать образцовъ достойныхъ подражанія, только вноситъ въ молодую впечатлительную душу свою *ветхую закваску*, такъ въ особенности и для той, которая, не обладая еще строго критическимъ талантомъ, слѣдуетъ въ подражаніи первымъ подобострастнымъ образцамъ безъ должной оцѣнки ихъ достоинствъ.

Новая жизнь возникаетъ вокругъ насъ, новыя условія и требованія она заявляетъ намъ. Пора бросить слѣпое подражаніе отцамъ, дядьямъ и братьямъ и осуществлять въ словѣ и въ дѣлѣ идеалы Евангельскіе и.... одни только Евангельскіе...

Облегчайте, собратъ, елико можете и матеріально и нравственно горькое положеніе вашего псаломщика, но.... *горе тому человѣку, чрезъ котораго соблазнъ приходитъ!*

19) Продолжается ваше знакомство съ приходомъ. Вы разсматриваете слѣды дѣятельности вашего предшественника. Вы находите, что одно сдѣлано не такъ, другое можно бы сдѣлать гораздо лучше, третье начато и не кончено, а на четвертое какъ будто и вовсе не обращено вниманіе. Вами овладѣваетъ что то-въ родѣ негодованія и вы порываетесь выразить свои чувства въ слухъ. Это такъ естественно и такъ легко! Но помедлите, собратъ, съ вашею критикою въ слухъ: *ты кто еси, судяй чуждему рабу? своему Господеви онъ стоялъ, или падалъ.* Дѣятельность пастыря церкви весьма многосторонняя: кромѣ тѣхъ сторонъ, которыя бросаются въ глаза, есть много другихъ, которыя на чужой глазъ не впечатлѣваютъ. Для какой то цѣли Господь держалъ его въ приходѣ много лѣтъ, да и въ приходѣ осталось много людей, которые за что-то поминаютъ его добромъ и уваженіемъ. Господинъ жатвы изводитъ дѣлателей на ниву Свою по роду ихъ характеровъ соотвѣтственно тѣмъ нуждамъ и потребностямъ, какія имѣетъ паства въ данное время. Предпріимчивость у Петра, распорядительность у Іакова, любовь у Іоанна, учительство у Павла, а между тѣмъ всѣ они апостолы и всѣ живые камни того божественнаго зданія, которое врата адова не одолѣютъ. Одинъ только нашъ небесный Пастыреначальникъ могъ осуществить всѣ различныя стороны Своего небесно-земнаго пастырства, а намъ *рождіимъ Своимъ* Онъ коемуждо по силѣ указываетъ по преимуществу хоть *едину изъ сихъ заповѣдей малыхъ сотворити и научити тако человѣки*, что мы и осу-

ществляемъ въ своей дѣятельности по данной намъ благодати, *не высокая мудрствующе, но смиренными ведущеся*.

20) Продолжается ваше знакомство съ приходомъ. Вы спрашиваете у своего причетника: каковы здѣсь обычаи, какого духа прихожане, что даютъ причту за ту или другую требу, усердны ли къ церкви, помогаютъ ли священнику въ его хозяйственныхъ нуждахъ? Что-жъ, узнавайте, это вамъ необходимо знать. Но вмѣстѣ съ тѣмъ попросите вашего причетника сказать вамъ, положа руку на сердце: не было ли прежде насильственныхъ вымогательствъ? не роптали ли прихожане? не сыпались ли открытые укоры на священника? не было ли письменныхъ жалобъ? не производились ли дознанія и слѣдствія? какъ пошли по міру вдова и дѣти вашего предшественника? съ какими чувствами проводили ихъ прихожане?... И запечатлѣйте всѣ слова сіи въ сердцѣ своемъ и, собратъ, облегчите и облегчайте иго....

21) Продолжается ваше знакомство съ приходомъ. Вы дѣлаете визитъ помѣщику. Кто онъ, полковникъ, генералъ, графъ, князь? Кто бы онъ ни былъ, онъ вашъ прихожанинъ. Вы должны явиться къ нему первымъ, а затѣмъ дальнѣйшія свои отношенія регулировать такимъ правиломъ: любятъ—не наскучай, не любятъ—не бывай.

Вы застали помѣщика въ кругу его домочадцевъ, васъ любезно встрѣтили, усадили и очаровываютъ васъ предупредительностью и вниманіемъ. Вамъ какъ-то не ловко, вы не привыкли къ такому обществу, къ такой богатой обстановкѣ. Но не роняйте себя, старайтесь быть развязнымъ. Для благородныхъ людей оскорбительно видѣть, что гость у нихъ стѣсняется. Знаютъ они, на какой мѣдный грошъ мы воспитаны, знаютъ они, что при условіяхъ нашего быта намъ никогда не усвоить себѣ той мягкости, той элегантности формъ, какою блестятъ дома аристократовъ. Нашу неловкость въ обращеніи эти благородные люди всегда извинятъ намъ. Никогда они не простятъ намъ только грубости душевной, для избавленія отъ которой мы проходили 12-лѣтній курсъ научнаго и проходимъ цѣложизненный курсъ благодатно-таинственнаго возрожденія. Никогда свѣтскіе мыслящіе люди не могутъ простить намъ—вождямъ ихъ спасенія—того плебейства воззрѣній и стремленій, которое къ несчастью и въ наше время всеобщихъ возбужденій находитъ—таки мѣсто себѣ тамъ, идѣже стояти ему вовсе не подобаетъ. Есть аристократизмъ духа, аристократизмъ христіанской науки и нравственности, аристократизмъ борьбы съ собою и торжества надъ страстями, аристократизмъ самоотверженной любви къ Богу и къ ближнему. Предъ этими-то дѣйствительно высокими и очаровательными формами аристократизма небеснаго преклоняются и падаютъ ницъ и тѣ люди, которыхъ мы привыкли называть аристократами свѣтскими. А эта высочайшая область возрожденнаго духа для насъ не только не запретная, но напротивъ всегда отверста, всегда зоветъ насъ къ себѣ и предлагаетъ *престолы*, на которыхъ обѣщаетъ посадить насъ для суда колѣнамъ израилевымъ. Вотъ въ какую область небеснаго аристократизма мы, собратъ, должны направить сквозь бури и преграды всѣ, рѣшительно всѣ усилія нашей воли! Это вопросъ: быть или не быть....

Но возвратимся къ вашему визиту. Вотъ интересная записка моего друга священника о первомъ визитѣ его помѣщику-аристократу.

„Окинувъ бѣглымъ взглядомъ стѣны, я, пишетъ мой другъ, замѣтилъ прекрасныя картины и блестящія зеркала и остановилъ глаза на одинокой иконкѣ, стоящей въ углу залы. Это замѣтили и поспѣшили склонить разговоръ на религіозную почву, чему я конечно былъ очень радъ.

Вопросъ. Что это, батюшка, у насъ въ православной церкви за правило такое, образа ставить непремѣнно въ углу?

Отвѣтъ. Это не правило, а обычай, завѣщанный намъ первыми вѣками христіанства. Когда первые христіане начали списывать иконы съ нерукотвореннаго образа Спасителя, то безъ сомнѣнія тогда же былъ возбужденъ и этотъ вопросъ: въ какомъ мѣстѣ комнаты приличнѣе ставить икону? Вспомнили, что въ Евангеліи Христосъ Спаситель называетъ Себя *камнемъ красугольнымъ, его же небрегоша зиждущіи*, и вотъ явился обычай ставить ликъ Спасителя *во главѣ угла*. А современемъ вблизи иконы Спасителя группировались и другіе образа.

В. Удивительна для насъ эта *неподвижность* церковныхъ обычаевъ.

О. Всякому свое. Кто не увѣренъ въ завтрешнемъ днѣ, тотъ „и жить торопится и чувствовать спѣшитъ". А христіанство такъ же вѣковѣчно, какъ Божій міръ. Поэтому нечего удивляться, что формы его чрезъ длинный рядъ вѣковъ остаются тѣ же.

В. То-то, батюшка, и удивительно, что у насъ все формы да формы, тогда какъ Христосъ

Спаситель сказалъ, что Богъ есть духъ и что потому истинные поклонники должны кланяться ему духомъ и истиною.

О. Приведенныя вами слова Спасителя взяты изъ бесѣды Его съ самарянкою. Полный текстъ ихъ читается такъ: *Повѣрь Мнѣ, (женщина), что наступаетъ время, когда и не на горѣ сей, и не въ Іерусалимѣ будете покланяться Отцу. Вы не знаете, чему кланяетесь, а мы знаемъ, чему кланяемся: ибо спасеніе отъ Іудеевъ. Но настанетъ время и настало уже, когда истинные поклонники будутъ покланяться Отцу въ духѣ и истинѣ: ибо такихъ поклонниковъ Отецъ ищетъ Себѣ. Богъ есть духъ: и покланяющіеся Ему должны покланяться въ духѣ и истинѣ.* Въ этихъ словахъ Господь отмѣняетъ какъ ложный культъ самарянскій, неразрывно связанный съ храмомъ Санаваллата на Гаразинѣ, такъ и истинный, но исполнившій уже свое назначеніе, культъ Іудейскій, такъ же неразрывно связанный съ храмомъ Соломоновымъ на Моріи, и полагаетъ основаніе тому новому Своему всемірному культу христіанства, въ который безъ всякаго ограниченія языкомъ, племенемъ и мѣстомъ могутъ войти всѣ люди, какъ въ универсальную и равно для всѣхъ доступную область духа и истины. А что въ приведенныхъ словахъ Господь не только не отвергалъ обрядовыхъ формъ, а напротивъ утвердилъ ихъ для христіанской церкви, то это ясно изъ употребленнаго имъ выраженія: *кланяться.* Замѣчательно, что въ данномъ текстѣ этотъ глаголъ какъ бы съ намѣренною настойчивостью употребленъ семь разъ и, что для насъ особенно важно, выраженіе это Господь одинаково приложилъ и къ поклонникамъ на Гаразинѣ, и къ поклонникамъ въ Іерусалимѣ и къ будущимъ поклонникамъ въ духѣ и истинѣ. Будемъ же послѣдовательны. Если въ словѣ Господа однимъ и тѣмъ же терминомъ характеризуется и обрядовое поклоненіе Самарянское и еще болѣе обрядовое поклоненіе Іудейское и это наступающее поклоненіе въ духѣ и истинѣ, то ясно, что здѣсь говорится не объ отмѣнѣ обрядности, не о религіи безъ священниковъ, безъ церквей, безъ иконъ, а о чемъ-то совершенно другомъ. Здѣсь всеобъемлющая область *духа и истины* противупоставляется узкоформенной и ускозоркой *плоти,* эгоистически и безъ сомнѣнія *ложно* ограничивавшей предѣлы царства Божія только *плотскими* потомками Авраама. Слѣдовательно здѣсь у чувственнаго *глубокаго* колодца Іаковлева Господь открылъ Свой несравненно болѣе глубокій кладязь *воды живой,* изъ котораго могутъ пить не *Іаковъ* только *и сынове его и скотъ его,* а весь міръ. Изъ этого то духовнаго кладязя напаялъ вѣрующихъ Апостолъ Павелъ въ своихъ посланіяхъ къ Галатамъ и въ особенности къ Римлянамъ, гдѣ съ особенною силою убѣжденія доказывалъ, что не плотскіе только потомки Авраама суть дѣти Авраама, что Авраамъ потому названъ другомъ Божіимъ, что *вѣровалъ Богу,* что слѣдовательно *всѣ вѣрующіе Богу суть духовныя чада Авраама* и что поэтому *Богъ не есть только Богъ Іудеевъ,* или Самарянъ, какъ ошибочно думали тѣ и другіе, *а есть Богъ и язычниковъ.* И *такихъ поклонниковъ,* такихъ чадъ Божіихъ *въ духѣ и истинѣ,* Отецъ небесный *ищетъ Себѣ,* то есть ищетъ чрезъ Своего Единороднаго Сына не только въ Іудеи и Самаріи, но въ полуязыческихъ странахъ Кесаріи Филипповой и въ чисто языческихъ странахъ Тирскихъ и Сидонскихъ. И *время* такого поклоненія въ духѣ и истинѣ не *настанетъ* только, напримѣръ чрезъ 18 вѣковъ, когда тому или другому мыслителю придетъ выгодная охота реформировать христіанство въ безформенную религію абсолютнаго духа, *но и настало уже,* настало конечно въ ближайшихъ ученикахъ Христовыхъ, которые безъ сомнѣнія лучше насъ понимали ученіе своего Учителя и Господа, *отверзшаго имъ умъ, разумѣти писанія* и лично *поучавшаго ихъ тайнамъ царствія Божія.* Потрудитесь же указать мнѣ мѣста въ дѣяніяхъ и посланіяхъ Апостольскихъ, гдѣ бы христіанство представлялось, какъ религія чисто духовная безъ всякихъ формъ обрядоваго культа.

В. Ну, я не богословъ и въ богословскія тонкости входить не могу. Но ужели въ самомъ дѣлѣ христіанину нельзя обойтись безъ иконы?

О. Да нельзя, пока онъ живъ, пока духъ его такъ тѣсно, такъ непостижимо таинственно связанъ съ этимъ чувственнымъ тѣломъ. Возьмемъ для примѣра христіанъ избранныхъ, христіанъ такъ сказать аристократовъ (простите мнѣ это выраженіе), т. е. тѣхъ святыхъ отшельниковъ, которые убѣгали отъ міра, скрывались въ горахъ, пустыняхъ и пропастяхъ земныхъ, изнуряли тѣло строжайшимъ постомъ и неусыпнымъ бдѣніемъ на молитвѣ, чтобы достигнуть полнѣйшей побѣды духа надъ плотію, чтобы одухотворить самое тѣло, этотъ грубый спутникъ души. И не ложная исторія свидѣтельствуетъ, что они достигали своей цѣли, достигали совершенства, знаменовавшаго себя явле-

ніями и дѣлами, которыя теперь намъ кажутся непонятными и, какъ будто, невѣроятными. Сквозь мракъ событій они прозрѣвали прошедшее и будущее человѣка, сквозь оболочку тѣла человѣческаго они видѣли тайныя помышленія души, съ возношеніемъ сердца къ Богу они возносились въ воздухъ и тѣломъ въ часы молитвы, наперекоръ физическимъ законамъ ходили на поверхности воды. Но и у этихъ ангеловъ во плоти была вѣра не абсолютно духовная, а наша же обрядовая, и у нихъ были и церкви и богослужебные обряды и иконы. Вотъ предъ нами отшельникъ Іерусалимскій. Онъ избралъ для своего обиталища гробничную катакомбу кедронскаго, или генномскаго некрополя. Предъ его глазами завѣтный Іерусалимъ со всѣми его святынями, и онъ, какъ блудный сынъ, выходитъ по временамъ изъ своей страны далече въ этотъ домъ небеснаго Отца, чтобы слезами вѣры и любви лобызать слѣды своего Спасителя. Казалось бы, для чего еще нужна его духу келейная икона, когда предъ его келліею возвышаются Морія, Сіонъ, Елеонъ и Голгоѳа съ цѣлымъ цикломъ образовъ и преданій. Но нѣтъ, онъ возвращается въ свою камеру и чертитъ на стѣнѣ или потолкѣ ея образъ св. креста. Онъ бы навѣрное вычеканилъ на этомъ каменномъ фонѣ весь ликъ своего Спасителя, какъ это позже сдѣлаетъ его соратникъ въ юдоли огненной близь обители св. Саввы, но искусство иконописи не всякому дано, а представить образъ Спасителя въ св. символѣ Его спасительнаго креста съумѣетъ рука самая безхитростная. Пройдите по извилинамъ Римскихъ катакомбъ (которыя впрочемъ за обвалами не сказали еще послѣдняго слова), и вы увидите гораздо больше. Казалось бы и буря гоненій и мракъ подземелья и ожиданіе скорой навѣрное мученической смерти должно бы совершенно располагать христіанина къ вѣрѣ чисто духовной. Но нѣтъ, пламенѣющій вѣрою неофитъ Христовъ зажигаетъ свой факелъ и при его коптящемъ освѣщеніи чеканитъ на стѣнахъ катакомбъ или крестъ, или монограмму альфы и омеги, или цѣльные лики Спасителя, Богоматери и Крестителя Іоанна и предъ сими изображеніями изливаетъ свою задушевную молитву въ минуту совершенія здѣсь же, въ подземной церкви, божественной евхаристіи и прочихъ благодатныхъ таинствъ. Что значитъ это явленіе? Это явленіе значитъ прежде всего, что икона невыдѣлима изъ существа вѣрующей души, что икона вложена въ душу человѣка, какъ ея, ничѣмъ незамѣнимая и способность и потребность. Религія духа, богослуженіе духовное!.. Закройте и глаза и всѣ ваши остальныя чувства, отрѣшитесь, если то мыслимо, отъ всѣхъ впечатлѣній объективнаго міра, сконцентрируйте возможно тѣснѣе всю свою субъективность, напрягите всѣ ваши духовныя усилія и попытайтесь изобразить въ своемъ представленіи идеалъ Бога, какъ абсолютнаго духа. Въ вашемъ представленіи явится какая-то пустота и пустота, но это будетъ вовсе не пустота абсолютная,—о, мы ее никогда не въ силахъ представить себѣ—это будетъ просто сродная вамъ пустота стихійная, воздушная, которую однакоже ваша чувственная натура не замедлитъ таки испортить такими или иными, вынырявающими откуда-то, миражами. И такъ можемъ создать въ своемъ представленіи только эту вовсе не пустую пустоту, но никогда не можемъ изобразить въ своемъ представленіи идеалъ Бога, какъ абсолютнаго, личнаго духа. Почему это? Потому, какъ сказалъ Самъ Богъ, что не можетъ человѣкъ увидѣть Лице Мое (то есть Лице Моей Сущности), пока онъ живъ, пока заключенъ въ чувственную оболочку,—потому, иначе говоря, что узрѣть и понять Бога, какъ абсолютнаго, личнаго духа, вы можете не теперь, когда по неволѣ смотрите на Него сквозь *тусклое стекло* чувственности, а тогда лишь, когда, сбросивъ съ себя эту чувственную оболочку, станете сами духами и будете созерцать Его по слову апостола *лицемъ къ лицу*. Какъ же вы можете осуществить въ цѣлой жизни то, что не дается вамъ даже въ душевномъ представленіи? Творецъ міра въ совершенствѣ знаетъ Свое твореніе. Если бы человѣкъ могъ на землѣ еще возвыситься до религіи чисто духовной, то человѣческій родъ давно уже былъ бы не тѣмъ, каковъ онъ теперь. Онъ долженъ бы по выраженію Никодима снова войти въ утробу Еввы и родиться второй разъ уже не отъ плоти, а отъ духа и одного только духа. Не то однакоже говоритъ намъ божественное откровеніе. На первыхъ же страницахъ св. Библія представляетъ намъ прародителей нашихъ, которые, какъ во время своей невинности ведутъ бесѣду съ Богомъ нашимъ же плотскимъ общечеловѣческимъ голосомъ и языкомъ, такъ и послѣ паденія *слышатъ* издали *гласъ Господа, ходящаго въ раю*. Прослѣдите затѣмъ всѣ ветхозавѣтныя Богоявленія то въ огнѣ и облакѣ, то въ громѣ и тихомъ дуновеніи прохладнаго вѣтерка, то въ видѣ человѣка странника, отдыхающаго въ кущѣ Авраамовой, то въ видѣ небеснаго

царя, сидящаго на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ, то наконецъ въ видѣ Сына Человѣческаго, грядущаго на облакахъ небесныхъ, и спросите себя: это ли явленія абсолютнаго духа? это ли явленія не чувственныя? Когда Моисей возвелъ старѣйшинъ Израилевыхъ на вершину Синая и поставилъ ихъ предъ Іеговою, то они *увидѣли Святаго Израилева*. Что же они увидѣли? Безъ сомнѣнія они увидѣли что-то такое чудное, чего и описать не могли; но такъ же несомнѣнно, что они увидѣли Бога-Духа въ чувственныхъ формахъ человѣческихъ, потому что Богъ открываетъ Себя человѣку такъ и настолько, какъ и насколько можетъ принять и обнять Его наше земное, духовно чувственное существо. Если бы самъ Моисей, этотъ другъ и собесѣдникъ Божій, могъ возвыситься до представленія Бога, какъ абсолютнаго духа, то онъ не посмѣлъ бы просить Іегову: *покажи мнѣ Лице Твое* и не получилъ бы отвѣтъ отрицательный. Въ ограниченномъ существѣ человѣка уже напередъ даны тѣ формы, въ какихъ только и можетъ открываться ему необъятное существо Бога. Вотъ описаніе образа Бога-Шехины, какое создано въ Талмудѣ, положимъ, и позднѣйшимъ, но все же имѣющимъ корни въ прошедшемъ, еврейскимъ богосозерцаніемъ. „Рабби Исмаэль разсказывалъ, что онъ видѣлъ Царя царей, сидящаго на престолѣ высокомъ и превознесенномъ: предъ нимъ стояли князья по правую и лѣвую руку. Тогда ангелъ, князь присутствія, который называется Метатронъ, сказалъ ко мнѣ: слушай, я разскажу тебѣ мѣру Святаго Израилева, скрытую отъ всѣхъ тварей. Отъ подошвы его до голени тысяча разъ десять тысячъ и пятьсотъ миль; отъ его голени до колѣнъ девяносто разъ десять тысячъ тысячъ миль и четыре мили. Отъ колѣнъ до туловища Шехины двѣнадцать разъ десять тысячъ и тысяча и четыре мили, отъ туловища до шеи двадцать четыре тысячи разъ десять тысячъ миль. Высота его шеи триста тысячъ разъ десять тысячъ и восемьсотъ миль. Зрачки въ его глазахъ одинадцать тысячъ пятьсотъ миль каждый въ діаметрѣ. Его правая рука двадцать два раза десять тысячъ и двѣ мили длиною, такой же длины и лѣвая. Отъ его праваго плеча до лѣваго шесть сотъ тысячъ разъ десять тысячъ миль. Пальцы на рукахъ его всѣ вмѣстѣ двѣнадцать тысячъ разъ десять тысячъ миль. Его борода одинадцать тысячъ пятьсотъ миль длиною. Вѣнецъ на головѣ его шестьдесятъ разъ десять тысячъ миль. Кто знаетъ эту мѣру нашего Творца, говорилъ Исмаэль своимъ ученикамъ, тотъ будетъ сыномъ будущаго міра“. Таково послѣднее слово Талмуда о Богѣ. Слѣдуетъ ли упрекать еврея талмудиста за такой антропоморфизмъ въ богосозерцаніи? Нѣтъ, это значило бы упрекать человѣка за то, что у него нѣтъ другихъ представленій кромѣ человѣческихъ. Шехина талмудскій превосходитъ Юпитера Олимпійскаго только относительною необъятностію формъ, а эти колоссальныя формы придуманы представителемъ монотеизма для того, чтобы фигура Шехины, Бога *единаго*, заняла все мірозданіе, чтобы подлѣ Него не нашлось мѣста другому Богу. Но если и Шехина талмудскій, какъ и всѣ ветхозавѣтныя Богоявленія, могутъ быть охвачены воображеніемъ и описаны перомъ, то конечно они могли бы быть такъ или иначе отподоблены въ живописи и въ скульптурѣ, если бы живопись и скульптура не были запрещены еврею строгою заповѣдью.

Почему же это искусство было запрещено? Развѣ само искусство дѣлать образы и подобія было мерзостью въ очахъ Іеговы? Въ такомъ случаѣ, почему же кивотъ завѣта осѣняли изваянные херувимы, почему подъ мѣднымъ моремъ при жертвенникѣ фигурировали изваянные волы, почему на ступеняхъ трона Соломонова стояли изваянные львы, почему во храмѣ такое обиліе изваянныхъ пальмъ-символа Іудеи и вино громадныхъ кистей, символа еврейской націи? Для чего же послѣ этого дана вторая заповѣдь? Для того, чтобы Израиль не увлекся идолопоклонствомъ. Но это отвѣтъ очевидно не полный. Почему же именно Израиль долженъ былъ не увлечь за собою язычниковъ, а самъ увлечься язычествомъ? Потому что идеалы совершенной истины, совершеннаго добра и совершенной красоты не нашли осуществленія въ ветхомъ завѣтѣ; потому что понятія о нравственной чистотѣ и значеніи добродѣтели у Іудеевъ немногимъ чѣмъ разнились отъ понятій языческихъ; потому что даже величайшій изъ рожденныхъ женами ветхаго завѣта въ темницѣ Махеронскаго замка могъ оказаться ниже меньшаго сына завѣта новаго, въ которомъ раскрылось таинство Голгоѳы, давшее міру новыя воззрѣнія на постигающія праведника бѣдствія. Потому слѣдовательно дана вторая заповѣдь закона, что ветхій Израиль не имѣлъ еще у себя ничего, ровно ничего такого, *что могъ бы побѣдоносно* противупоставить тѣмъ въ своемъ родѣ прекраснымъ, очаровательнымъ и увлекательнымъ формамъ, въ какихъ выразилось охватившее

его со всѣхъ сторонъ язычество. Такимъ побѣдоноснымъ противодѣйствіемъ язычеству могъ быть только образъ Мессіи, но пришествіе Мессіи было еще *чаяніемъ*, да и представленіе объ этомъ высочайшемъ идеалѣ человѣчества, объ этомъ *чаяніи всѣхъ язычниковъ*, Израиль въ водоворотѣ своей исторіи выработалъ въ грубыхъ, земныхъ и эгоистическихъ формахъ. Чтобы навсегда померкли и исчезли обманчивые огоньки языческаго болота, для этого должно было во всей славѣ истины, добра и красы взойти Солнце Правды, Христосъ Богъ нашъ,—въ той прекраснѣйшей человѣческой формѣ и въ той святѣйшей человѣческой сущности, въ какой наше духовно чувственное существо только и можетъ представить себѣ Бога. Только этотъ единственный въ человѣческомъ родѣ образъ Христа,—это поразительное чудо неба, чудо земли, чудо исторіи,—показалъ всѣмъ и каждому, какъ въ сравненіи съ Нимъ грубы и отвратительны эти Ваалы и Молохи, Юпитеры и Озирисы со всею плеядою имъ подобныхъ ничтожествъ. Только Дѣва Назарета, Приснодѣва Виѳлеема, Матерь Голгоѳы, Богоматерь Сіона и Неба, только такое честнѣйшее ангеловъ существо, могло посрамить и уничтожить этихъ Юнонъ, Діанъ, Кипридъ и Астартъ со всѣмъ ихъ гнуснымъ развратомъ. И вотъ въ царствѣ Мессіи—Христа искусство живописи и скульптуры, оживляющее полотно и мраморъ и заставляющее эти мертвыя вещи говорить уму и сердцу сильнѣе цѣлой книги, освобождено отъ своихъ временныхъ оковъ и вступило въ свои законныя не права только, но и обязанности. Кто принялъ въ единство Своей ипостаси всего человѣка въ его чистѣйшемъ, не испорченномъ естествѣ, Тотъ освятилъ въ немъ разъ на всегда и этотъ высокій даръ художественнаго творчества, указавъ и ему истинное назначеніе въ новой заповѣди о любви къ ближнему. Не выраженію красоты и граціи, а святости и благости должны служить онѣ въ христіанствѣ. Не страсть и порокъ олицетворять, не земныя слабости и пошлости возводить въ перлъ жанроваго созданія, а схватывать и задерживать на землѣ тѣ дрожайшіе для насъ проблески небеснаго, которые способны потрясти душу злодѣя въ ея худшія минуты,—олицетворять для насъ тѣ чуемые и чаемые въ нашемъ богоподобномъ духѣ лики любви и благости Божіей, которыхъ въ послѣднія минуты жизни невыразимо тоскливо, какъ якоря спасенія, ищетъ несчастный грѣшникъ, находитъ ихъ въ благодатной иконѣ, судорожно прижимаетъ ее къ устамъ своимъ, обливаетъ слезами покаянія и въ длинномъ—длинномъ, уносящемъ душу поцѣлуѣ слышитъ небесное слово: *вѣра твоя спасла тебя*. Вотъ почему у насъ лучшіе иконописцы были и будутъ лучшими христіанами, вотъ почему христіанская церковь въ числѣ святыхъ своихъ насчитываетъ множество иконописцевъ, начиная съ евангелиста Луки.

Когда, возставъ отъ сна, я выхожу въ мой садикъ и въ красотѣ лѣтняго утра начинаю свою молитву, я закрываю глаза для земли и въ зеркалѣ моей души начинаютъ являться образы неба. Вотъ мой Небесный Отецъ, *Ветхій днями*, въ радужномъ сіяніи славы, окруженный херувимами и серафимами, несется ко мнѣ *на облацѣ легцѣ*. Вотъ Онъ, мой Сладчайшій Спаситель, въ аломъ хитонѣ и голубомъ талифѣ.... Въ спокойно-царственномъ, затмившемъ мерцаніе луны, величіи идетъ Онъ по взгроможденнымъ бурею хребтамъ волнъ Галилейскаго моря; вотъ Онъ направляется ко мнѣ, захлебающемуся въ волнахъ моря житейскаго, и сердце мое слышитъ Его спасительное слово: *маловѣрный! зичѣмъ ты усомнился?* Вотъ и Она, владычица моей души, въ голубомъ хитонѣ Назарета и въ звѣздной мантіи неба; Она касается меня краемъ ризы своей и какъ будто говоритъ: „Я помолюсь о тебѣ тамъ“... Но я съ каждою минутою убѣждаюсь, что не могу молиться въ такомъ положеніи: мое душевное состояніе раздвояется. Если я весь обращаюсь въ созерцаніе этихъ небесныхъ ликовъ, то прекращаются моя исповѣдь и задушевная молитва; если же я углубляюсь въ сознаніе моего горя и изливаю сердечную тоску моей грѣшной души, то я уже не вижу этихъ Божественныхъ ликовъ. Я убѣждаюсь, что не могу въ одно и тоже время быть и созерцаемымъ и созерцающимъ. Волей—неволей возвращаюсь я въ клѣть свою, становлюсь въ мой завѣтный уголъ, поднимаю взоръ къ св. иконамъ и—что же?—на моихъ иконахъ тѣ же небесные лики, которые въ воздушныхъ очеркахъ я созерцалъ тамъ въ своей душѣ. Вдохновленный свыше созерцатель-художникъ проникъ въ мою душу, подмѣтилъ въ ней эти благодатнѣйшіе идеалы моего сердца и чуднымъ божественнымъ даромъ творчества напечатлѣлъ ихъ для цѣлыхъ поколѣній на полотнѣ и доскѣ. И вотъ мое душевное состояніе уже не двоится и не путается. И мнѣ становится понятна забота св. отшельника пещеръ и катакомъ объ иконѣ постоянной, отдѣльной отъ душевнаго состоянія. Созерцаемое *предо мною*, а созер-

цающее во мнѣ. И льется безъ перерыва моя сердечная молитва. И возношу я дерзновенный взоръ къ симъ св. образамъ, зная, что они *мои собственные*. Да, они мои, какъ выраженіе моего религіознаго воспитанія, какъ благороднѣйшая отрасль моей богоподобной души, какъ лицевой символъ моей вѣры въ Бога, якорь спасительной надежды и знаменіе моего единства съ Богомъ. Но они мои также и потому, что къ нимъ, къ этимъ св. иконамъ напрягала угасающій взоръ свой бѣдная мать моя, когда въ болѣзненной мукѣ раждала меня на свѣтъ Божій; они мои и потому, что мой отецъ на смертномъ одрѣ благословилъ меня ими и умеръ спокойно, въ твердой вѣрѣ что тѣ, чьи лики на нихъ написаны, будутъ моими покровителями въ моемъ сиротствѣ; они мои наконецъ и потому, что подъ ихъ сѣнью надѣюсь я испустить и свой послѣдній вздохъ, благословивъ ими своихъ будущихъ сиротъ и оставивъ имъ эти св. иконы какъ лучшее и, можетъ быть, единственное наслѣдство.

Но, если христіанская икона есть такая сущая благодать для души-христіанки, то можно ли думать, что любвеобильнѣйшій Спаситель нашъ не далъ намъ въ Своемъ завѣтѣ указанія на эту благодать въ иконопочитаніи, указанія столь очевиднаго, *какого только можно было ожидать отъ Него въ эпоху крайняго развитія идолопоклонства съ одной стороны и крайняго отвращенія отъ идолопоклонниковъ съ другой?* Противники иконопочитанія ставятъ вопросъ такъ: почему не сказалъ Господь: *слышасте, яко речено бысть древнимъ, не сотвори себѣ кумира, ни всякаго подобія, Азъ же глаголю вамъ*, пишите образа и чествуйте Бога въ иконахъ? Но такъ ставить вопросъ, значитъ *не разумѣть писанія, ни силы Божіей*. Евангеліе не есть только сборникъ законодательныхъ правилъ, какъ коранъ Магометовъ, оно есть благовѣстіе дѣла и дѣла такъ стройно, цѣльно и цѣлесообразно сплоченнаго, какъ стройно, цѣльно и цѣлесообразно образованъ весь космосъ. Защитники иконопочитанія обыкновенно ссылаются на замѣчаніе Евангелиста: *много сотворилъ Іисусъ предъ учениками Своими и другихъ чудесъ, о которыхъ не написано въ книгѣ сей*, и указываютъ на преданіе о Нерукотворенномъ образѣ, преданіе, принятое востокомъ и западомъ и безъ сомнѣнія истинное. Но при этомъ забываютъ главное, что Нерукотворенный образъ есть только чудесная копія съ Того въ высочайшей степени оригинальнаго *Образа Ипостаси Отчей*, въ Которомъ обитала полнота Божества *тѣлеснѣ*. Если Псалмопѣвецъ сказалъ, что *вси боги язычниковъ истуканы, а Іегова сотворилъ небеса*, то для насъ, сыновъ завѣта новаго, первое изъ этихъ небесъ есть наша земля и первые небожители мы, о которыхъ сказалъ Господь: *и вселюся въ нихъ и похожду*. Какъ бы мы ни смотрѣли на боговъ язычества: суть ли это боги космогоническаго процесса, олицетвореніе стихій, ихъ отношеній и дѣйствій, или олицетвореніе абсолютныхъ идей, добродѣтелей и страстей человѣческихъ, наши разсужденія сводятся къ одному заключенію, что язычество чествовало Бога въ кумирѣ человѣка. Итакъ вопросъ въ томъ: достоинъ ли былъ этотъ человѣкъ такой высокой чести, имѣлъ ли онъ право на такое превозношеніе, чтобы стать для себя прототипомъ Божества? Нѣтъ, не имѣлъ такого права этотъ человѣкъ, такъ глубоко падшій, что *приразися скотомъ безсмысленнымъ и уподобися имъ*. Божественная мудрость *приниче на сыны человѣческія, видѣти, аще есть хоть* одинъ изъ нихъ *разумѣваяй* Бога, и увидѣла только, что *вси совратились съ пути, до одного не годны*. Человѣческая мудрость также искала такого человѣка съ Діогеновымъ фонаремъ и при всемъ пристрастіи къ своему роду не находила его. А когда явился въ мірѣ такой истинный Человѣкъ, то блескъ Его славы отразился въ звѣздѣ самаго неба. Эта путеводная звѣзда немедленно и привела къ Нему, еще сущему въ колыбели, и языческую мудрость въ лицѣ волхвовъ и іудейскую простоту въ лицѣ пастырей на рабское поклоненіе, яко человѣку и Богу. *И Слово стало плотію, и обитало съ Нами*, и ликъ Его, прекраснѣйшаго изъ сыновъ человѣческихъ, изображался и въ струяхъ Іордана, и въ лазури неба, и въ контурахъ солнечной тѣни, и въ зеркалѣ Галилейскаго моря, и въ сердцахъ Апостоловъ и въ памяти тысячь этого народа Имъ поучаемаго и исцѣляемаго. И не запрещалъ Онъ смотрѣть на Себя, прикасаться къ Себѣ, лобызать Себя... Напротивъ, Онъ называлъ *блаженными очи*, которыя смотрѣли на Него, и слѣдовательно приглашалъ всѣхъ и каждаго запечатлѣть въ себѣ Его чудотворный образъ, чтобы передать потомъ во всѣ вѣка въ душѣ, въ книгѣ, въ статуѣ, въ иконѣ. Вотъ откуда вытекаетъ истинность преданія о Нерукотворенномъ Образѣ, которое, если бы не было записано историкомъ вѣрнымъ, то было бы угадано нашимъ умомъ и сердцемъ. Вотъ на чемъ основана близость къ истинѣ тѣхъ, находимыхъ нами у отцовъ церкви, описаній *вида* Спасителя, каковыми руководятся наши иконописцы. Но этого мало.

Воспріявъ человѣческое естество въ единство Своей ипостаси, Онъ вознесъ его на небо и возсѣлъ въ немъ одесную Бога Отца, дабы Ему, Богочеловѣку, возглавившему всяческая, *поклонилось всяко колѣно небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ*. Вотъ когда исполнился первый небесный приговоръ о падшемъ человѣкѣ: *се Адамъ бысть, яко единъ отъ Насъ*. И вотъ какимъ Божественно міровымъ дѣломъ, а не словомъ, отмѣнена вторая заповѣдь закона скрижали каменной и написана новая заповѣдь объ иконопочитаніи на скрижали нашего сердца. Въ лицѣ Богочеловѣка Господа нашего Іисуса Христа мы, какъ говоритъ Апостолъ, *дерзновенно входимъ во святилище* Богопоклоненія *путемъ новымъ и живымъ, который Онъ открылъ намъ чрезъ завѣсу, то есть плоть Свою* (Евр. X, 20).

Когда Понтій Пилатъ перенесъ ночью изъ Кесаріи въ Іерусалимъ римскія знамена съ изображеніемъ Кесаря, то Іудеи пять дней и ночей съ буйною дерзостью осаждали его резеденцію въ Кесаріи и съ рискомъ поголовной гибели требовали отмѣны такого по ихъ мнѣнію поруганія ихъ святыни. Это была законная дань ветхому завѣту. Но вовсе не такъ смотритъ на дѣло Законодатель завѣта новаго. *Чье это изображеніе и надпись*,— спрашиваетъ Онъ, держа въ рукѣ языческую монету въ самомъ храмѣ Іерусалимскомъ? *Кесаревы*, отвѣчаютъ Іудеи, данники Рима. *Итакъ отдавайте Кесарево Кесарю, а Божіе Богу*. Это былъ блескъ молніи, озарившій темноту и спутанность разныхъ, будто бы противуположныхъ, отношеній. Но времена Римскаго господства прошли, а слово Господа осталось на всѣ вѣка и для всѣхъ людей. *Чье это изображеніе и надпись*, спрашиваетъ Господь насъ, указывая на икону? *Человѣческія*, отвѣчаемъ мы съ полнымъ дерзновеніемъ. *Итакъ отдавайте человѣческое Человѣку, а Божіе Богу*, заповѣдуетъ Онъ намъ чрезъ вѣковое ученіе нашей церкви объ иконопочитаніи. *Я путь, истина и жизнь; никто не приходитъ къ Отцу, какъ только чрезъ Меня. Если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего. И отнынѣ знаете Его и видѣли Его*. Да, мы *увидѣли* нашего Духовнаго Отца *только* въ Сынѣ Богочеловѣкѣ, а Сына Богочеловѣка *стремимся увидѣть* въ своемъ собственномъ существѣ, соединенномъ съ Нимъ не только по душѣ и духу, но по *тѣлу и крови*. Поэтому мы, *вѣчные данники Божіи*, въ Лицѣ нашего Искупителя Богочеловѣка воздаемъ спасительную для насъ *дань* поклоненія Богу двояко: тѣломъ—чрезъ иконы и обряды культа, а духомъ чрезъ вознешеніе сквозь иконы и обряды мыслей и сердца къ нашему Первообразу—*Отцу духовъ и всякія плоти*. Послѣ этого какой же христіанинъ осмѣлится сказать, что икона есть излишекъ, что чествованіе Бога въ иконѣ есть идолопоклонство?...

И вотъ, когда я вижу простака поселянина, освящающаго свою бѣдную хижину иконами грубаго пошиба, то я долженъ извинить его, такъ какъ эта грубая иконопись есть выраженіе его бѣдности и матеріальной и духовной. Но когда я вижу, что человѣкъ состоятельный и развитой научно стыдится иконопочитанія и ставитъ «какую нибудь» иконку только изъ приличія, то я начинаю думать.... но, извините, я увлекся....

«Продолжайте, батюшка, продолжайте».—Благодарю: я усталъ.—Молчаніе.

В. А что вы, батюшка, скажете на возраженіе одного ученаго мужа, будто Христосъ Самъ отвергалъ Свое Божество словами: *что Мя глаголеши блага? никто же благъ, токмо единъ Богъ?*

Признаюсь, этотъ вопросъ засталъ меня врасплохъ. Мнѣ никогда не приходило въ голову, что иному ученому мужу вспадетъ на умъ блажная мысль, на основаніи одного этого евангельскаго мѣста отвергать Божество Спасителя.

О. На этотъ вопросъ я постараюсь дать вамъ удовлетворительный отвѣтъ, когда буду имѣть честь видѣть васъ въ своемъ домѣ.

И я поспѣшилъ откланяться... Но стыдъ и совѣсть пошли со мною. Мнѣ казалось, что тамъ назади слышится хохотъ торжества надъ моимъ богословскимъ невѣжествомъ. Мысль моя работала всю дорогу и наконецъ я додумался. ‹Да развѣ евангельскій юноша спрашивалъ Іисуса, какъ Бога, а не какъ особенно уважаемаго только раввина? Вѣдь титулъ *благій* присвоили себѣ эти гордые ученостью и благочестіемъ фарисейскіе учители—раввины, которые въ Талмудѣ представили себя „въ небесной академіи" препирающимися съ самымъ Шехиною по вопросамъ закона и даже самаго Шехину-Бога заставили иногда сознаваться: «мои дѣти (т. е. раввины) побѣдили меня! Увы мнѣ!› Значитъ въ замѣчаніи евангельскому юношѣ Господь далъ урокъ всѣмъ земнымъ гордецамъ, не смѣть присвоивать себѣ свойствъ и титуловъ Божескихъ. Вѣдь не сказалъ Господь: Я не благъ, а сказалъ: *никто* не благъ, т. е. никто изъ раввиновъ, къ разряду которыхъ ты относишь и Меня». Но какъ же мнѣ не пришло это въ голову тамъ?

Экъ, скверно на совѣсти. Нѣтъ, вижу, что слѣдуетъ и здѣсь заняться наукою, чтобы быть въ готовности дать отвѣтъ разнымъ совопросникамъ... Въ семинаріи-то меня экзаменовали только для четверокъ и пятерокъ, а тутъ экзаменуютъ для спасенія собственной души отъ разныхъ заблужденій. Надо читать и читать, а въ моей библіотекѣ и есть-то всего двѣ книги: „Правильникъ и Королева Изабелла или тайны Испанскаго двора“. Прочь же теперь эти романы и повѣсти, и привѣтъ тебѣ, богословская наука! Коротенькій романъ моей собственной жизни закончился для меня эпилогомъ благополучнаго брака, а чужіе могу узнать просто глазами и ушами. Медикъ долженъ слѣдить за развитіемъ медицины, юристъ за движеніемъ законодательства, а священникъ долженъ изучать богословіе и въ особенности столь нужное для нашего времени—полемическое. Это ясно какъ день. И вотъ я съ тѣхъ поръ занялся богословскою наукою, и узналъ, что два изъ поставленныхъ мнѣ вопросовъ цѣликомъ взяты изъ Ренана и Штрауса, встрѣча съ которыми въ сельскомъ приходѣ мнѣ и во снѣ не грезилась... Поэтому, когда я вижу священника, который или ничего не читаетъ, или проводитъ ночи за чтеніемъ романишекъ и повѣстенокъ, то мнѣ становится грустно, грустно»....

Надѣюсь, собратъ, что эта записка моего друга-священника дастъ вамъ плодъ свой во время свое.

(Продолжение будетъ).

Извлеченіе изъ отчета церковно-археологическаго общества за 1881 годъ.

Къ концу 1881 г. всѣхъ членовъ церковно археологическаго общества было: почетныхъ 31, дѣйствительныхъ 83 и членовъ-корреспондентовъ 43,—всего съ предсѣдателемъ 158 человѣкъ.

Въ числѣ ихъ, изъ духовенства Кіевской епархіи состояли: *дѣйствительными членами*—каѳедральный протоіерей кіево-софійскаго собора П. Г. Лебединцевъ, бывшій вмѣстѣ и товарищемъ предсѣдателя общества, настоятель Кіево-Выдубицкаго монастыря архимандритъ Арсеній, настоятель Кіевской Троицкой церкви А. Колосовъ, настоятель Царе-Константиновской кіевской церкви, протоіерей А. М. Воскресенскій, законоучитель кіевской военной гимназіи протоіерей П. А. Троцкій, священникъ Кіево-Спасской на Берестовѣ церкви Кл. Ѳоменко и священникъ с. Краснополки, уманскаго уѣзда, К. Подгурскій; *членами-корреспондентами*—начальникъ больничнаго Николаевскаго монастыря кіево-печерской лавры игуменъ Артемій, начальникъ иконописной мастерской кіево-печерской лавры іеромонахъ Алвіанъ, священникъ Кіево-Рождественской церкви Іос. Желтоножскій, священникъ села Кагарлыкской слободы, кіевскаго уѣзда, В. Иваницкій, священникъ м. Новаго Дашева, липовецкаго уѣзда, Авг. Левитскій, священникъ села Гребенокъ, васильковскаго уѣзда, Іероѳ. Любанскій и священникъ села Хмельной, черкасскаго уѣзда, І. Мельниковскій.

Въ отчетномъ году отъ духовенства кіевской епархіи поступили въ церковно-археологическое общество, музей и библіотеку его слѣдующіе предметы:

Отъ священника м. Махновки, сквирскаго уѣзда, Н. Л. Демяновскаго 8 томовъ рукописныхъ лекцій профессоровъ кіевской Академіи изъ такъ называемаго Иннокентіевскаго ея періода, принадлежавшихъ отцу жертвователя.

Отъ священника села Семигоръ, каневскаго уѣзда, П. Трезвинскаго—четыре на холстѣ изображенія святителей XVII в.

Отъ священника села Глуховецъ, бердичевскаго уѣзда, Вл. Бернадскаго: деревянный ручной крестъ, мѣдный 8-конечный крестикъ, мѣдный образокъ святителя Николая и одна монета.

Отъ члена, священника села Краснополки, уманскаго уѣзда, К. Подгурскаго: часть мѣднаго складня, яйцо отъ паникадила, камилавка, портретъ м. Серапіона, 4 книги, 7 старинныхъ монетъ и 4 р. сер. на нужды общества.

Отъ священника села Берестовца, того же уѣзда, І. Андріевскаго: два брачныхъ вѣнца, мѣдная тарелочка съ армянской надписью и связка документовъ.

Отъ священника села Поповки, того же уѣзда, Л. Милованова: поручи, воздушекъ, платокъ съ жертвенника, копіе, кропило, деревянный крестъ, мѣдная тарелочка, пара брачныхъ вѣнцовъ, изображеніе Спасителя на жести, рукописный акаѳистъ Іову Почаевскому и такая же theologia, печатный требникъ и 20 монетъ.

Отъ священника села Дзенгелевки, того же уѣзда, В. Королькова: метрика и приходо-расходная церковная книга XVIII вѣка.

Отъ священника села Ольшанки, того же уѣзда, Н. Хмѣлевскаго: рукописная псалтирь и три монеты.

Отъ священника села Яцекъ, васильковскаго уѣзда, М. Вышинскаго: шесть монетъ XVII вѣка.

Отъ священника села Демерезной, того же уѣзда, А. Мацѣевича: четыре монеты.

Отъ священника села Станиловки, бердичевскаго уѣзда, П. Инфимовскаго, чрезъ члена П. І. Вержбицкаго: чаша, кипарисный крестъ, плащаница и апостолъ кіевской печати 1722 года.

Отъ священника села Пятигорки, того же уѣз., П. Каковскаго: рукописный сборникъ свято-отеческихъ твореній XVIII в., и ирмологіонъ Львовской печати 1709 года.

Отъ священника села Конончa, черкасскаго уѣзда, А. Словинскаго: клыкъ мамонта и большая картина страшнаго суда на холстѣ, XVIII в.

Отъ священника села Микитанъ, каневскаго уѣзда, В. Филипповича: Поученіе о св. Тайнахъ Уневской печати 1745 г. *Н. П.*

„Кіевская Старина", ежемѣсячный историческій журналъ. Кіевъ. 1882 г. №№ 1—5.

Серьозность историческихъ статей, какія заключаетъ въ себѣ „Кіевская Старина", важность и богатство матеріаловъ, сообщаемыхъ ею, заставляютъ насъ отличить это изданіе въ ряду другихъ, подобныхъ ему. Видно, что редакція вполнѣ поняла значеніе областнаго изданія и располагаетъ всѣми средствами сообщить ему интересъ чрезвычайный. Больше всего встрѣчаемъ статей и замѣтокъ, касающихся исторіи Малороссіи, затѣмъ всей Россіи,—исторіи литературы, нравовъ, обычаевъ, быта и цѣлой культуры малорусскаго народа. Одно, что кажется нѣсколько неподходящимъ, это самое названіе „Кіевская Старина". Неужели такъ трудно изобрѣсти заглавіе? Настоящее же заглавіе неудобно, во первыхъ, потому, что программа журнала шире его имени, а съ другой стороны существованіе другаго подобнаго изданія будетъ сбивать съ толку непосвященныхъ во всѣ тонкости нашихъ періодическихъ изданій и, пожалуй, отобьетъ охоту читать вполнѣ заслуживающій вниманія кіевскій ежемѣсячникъ.

Историческій отдѣлъ „Кіевской Старины", т. е. главнымъ образомъ глубоко-научныя статьи профессора В. В. Антоновича, были разобраны въ рецензіи Костомарова, помѣщенной въ „Новомъ Времэни". Изъ статей и памятниковъ, имѣющихъ интересъ для исторіи литературы, слѣдуетъ отмѣтить: „Разговоръ Великороссіи съ Малороссіей", „Образцы обличительной литературы въ Малороссіи" Ефименка, „Легенду и три пѣсни о Семенѣ Паліѣ", „Филиппъ Орликъ и Запорожцы", и др.

Къ каждой книгѣ „Кіевской Старины" приложены подробныя библіографическія замѣтки и указанія по исторіи южной Россіи за послѣднее время. Эти замѣтки очень цѣнны для спеціалистовъ.

(Русск. Филологич. Вѣстн., 1882, № 2).

Изъ воспоминаній ученика объ отцѣ протоіереѣ Даніилѣ Максимовичѣ Смолодовичѣ.

Каждый разъ, когда я, по руководству третьей молитвы *„на сонъ грядущимъ,"* стану припоминать вольныя и невольныя мои прегрѣшенія, то при первыхъ словахъ перечня: „яже отъ юности, и отъ науки злы",—ничто тревожное не объемлетъ мою душу, потому что юность моя протекла *безъ науки злы*, благодаря добрымъ и любвеобильнымъ моимъ наставникамъ и начальникамъ, изъ коихъ, по задушевности ихъ отношеній къ воспитываемымъ ими дѣтямъ, первое мѣсто занимаютъ Иванъ Андреевичъ Демченко и отецъ протоіерей Даніилъ Максимовичъ Смолодовичъ.

Представленный въ кіево-подольское училище въ 1841 году и очутившись на отдаленной отъ бурсы квартирѣ, въ домѣ мѣщанина Пискуна, что на Волосской улицѣ, за канавой, я, проходя мимо угловаго дома противъ Набережно-Николаевской церкви, часто встрѣчалъ добрую и привѣтливую фигуру профессора Семинаріи Даніила Максимовича Смолодовича, который, только что пріобрѣвши этотъ домъ отъ профессора Академіи Минервина, заново оный отдѣлывая, всякое утро былъ на улицѣ. Никогда покойникъ не пропускалъ насъ безъ привѣтливаго слова, когда мы всѣ—мальчуганы подымали издалека предъ нимъ свои шапки. На насъ всегда это имѣло такое мягкое, согрѣвающее вліяніе, что мы кидались часто къ его рукѣ, не смотря на то, что онъ тогда еще не былъ батюшкой. Какою-то особенною теплотою повѣвало на насъ, отдаленныхъ отъ своей семьи, когда мы, порой высѣченные, по правиламъ тогдашней педагогики (а этого не случалось рѣдкій учебный день), при встрѣчѣ съ Даніиломъ Максимовичемъ, были спрашиваемы имъ, возвращавшимся изъ семинаріи:—*„не досталось ли кому нибудь изъ насъ отъ заднѣпровской"*; отъ участливаго слова и рубцы отъ этой „заднѣпровской" какъ будто становились менѣе болѣзненными. А рубцы-то эти не были исключительностію даже у учениковъ такъ называвшагося *сената*,—потому что пороли тогда слабыхъ по успѣхамъ учениковъ, чтобы поправлялись, а лучшихъ,—чтобы не портились. Доставалось иногда ни за-что, ни прочто. Никогда не забыть мнѣ того,

что, когда, подъ вліяніемъ страха, не по незнанію, а по ошибкѣ языка, я сказалъ, что въ латинской рѣчи вмѣсто *suus*, при первомъ лицѣ, ставится *meus*, мнѣ досталось за это шестьдесятъ ударовъ, самыхъ жестокихъ! Одинъ только Иванъ Андреевичъ Демченко былъ всегда умѣренъ въ наказаніяхъ розгами; даже за крупныя шалости болѣе трехъ ударовъ отъ него не доставалось, а часто бывало покончивали и на томъ, что только протянутъ *на лобномъ мѣстѣ*, *у доски*, и рука *цензора* *) уже занесенная, удерживалась имъ самимъ подобно рукѣ Авраама надъ Исаакомъ. Да, изъ всей бурсацкой перспективы только и есть двѣ свѣтлыя точки, о коихъ и можно вспомнить безъ содраганія,—это Иванъ Андреевичъ и отецъ Мина Жолткевичъ, которые никогда не допускали наказаній до степени истязаній. Послѣдній бывало пошумитъ и постращаетъ, за что и сравнивали его съ *пароходомъ*, но до наказанія розгами вовсе не былъ охотникъ, даже на такъ называемыхъ *explicationibus*, когда подготовлялись къ *публичнымъ* экзаменамъ.—Какъ бы ни было, но, когда я попалъ въ число счастливцевъ-бурсаковъ, кои стали жить на квартирѣ въ домѣ Даніила Максимовича Смолодовича, то карающая рука цензоровъ не коснулась уже ни разу даже моего костюма, который подвергался прежде частымъ пертурбаціямъ. Точно нельзя сказать—чѣмъ опредѣлилась эта перемѣна, но не только меня, а даже тѣхъ, кои были изъ моихъ сокварьтирантовъ ниже посредственности, никто уже и пальцемъ не тронулъ.—Можетъ быть, съ переходомъ на квартиру въ домъ Смолодовича, были устранены поводы къ наказаніямъ для насъ и въ томъ, что мы перестали опаздывать на послѣобѣденные классы, открывавшіеся всегда въ три часа по полудни, и не имѣли надобности, по близкому разстоянію квартиры, спѣшить въ бурсу за долго до разсвѣта въ зимніе мѣсяцы, что часто соединено было съ многоразличными затрудненіями, осложняющими поводы къ наказаніямъ; но вообще жизнь для насъ пошла совсѣмъ не та. Прежде бывало, проскользнешь въ какой нибудь жилой номеръ бурсы, чтобы отогрѣть окоченѣвшія отъ стужи ноги и руки у койки товарища, а тутъ еще не успѣлъ расположиться, какъ возвышается голосъ *старшаго*, щеголяющаго по номеру въ пестрядевомъ халатѣ: квартирниковъ по шеямъ;—но *человѣкъ—не камень*, и отпустишь кому нибудь сдачи, въ видѣ прибоя дверью по пальцамъ, ну и порютъ тогда самаго,—до изліянія крови.—Когда же, въ 1847 году, мнѣ посчастливилось перейти въ семинарію, и я продолжалъ квартировать въ домѣ Даніила Максимовича Смолодовича, то и совсѣмъ уже пошла для насъ блаженная жизнь.—Всегда вѣрный самому себѣ добрякъ, Даніилъ Максимовичъ, не безъ юмора, преклонялъ иногда на милость гнѣвъ на учениковъ начальниковъ семинарскихъ за разныя продѣлки и шалости, которыя при ректорѣ ея Архимандритѣ Антоніи, и инспекторѣ Θеодосіи, вообще строго преслѣдовались, хотя онѣ были иногда не признаками испорченности, а только отпрысками Малороссійской натуры, что небезъизвѣстно было Даніилу Максимовичу, такъ какъ онъ и самъ былъ нашего поля ягода.—Отношенія Даніила Максимовича къ ученикамъ вообще, не только внѣ классовъ, но и за уроками, были всегда истинно отеческія, даже съ нѣкотораго рода фамильярностію, допускавшею иногда и обмѣнъ шутокъ. За то, если кому пришлось пропустить нѣсколько уроковъ, мы всегда старались пополнить пробѣлы эти при повтореніяхъ: мы изъ кожи лѣзли предъ наступленіемъ экзаменовъ, чтобы не оконфузить своего добраго наставника. Наименованія уменьшительными именами учениковъ высшихъ даже классовъ, а также разныя прозвища, даваемыя Д—мъ М—чемъ ученикамъ, никого никогда не оскорбляли; да онѣ никогда и не были ѣдкими, а напротивъ веселили насъ и поддерживали наше вниманіе въ монотонности преподаваемаго. „Курносый, долговязый, дядя Митяй (по Гоголю), церковный староста, проигравшійся офицеръ, Чабанъ и многія другія, были приправами какъ сахаръ въ его медорѣчивости. Для болѣе точной характеристики даже кого нибудь изъ историческихъ дѣятелей у См—ча всегда были на готовѣ прозвища, всегда мѣткія, основанныя на глубокомъ знаніи существенныхъ отличій каждаго, подобно тому какъ первоначальныя наименованія, данныя Адамомъ звѣрямъ.—За что, за что слѣдуетъ намъ всѣмъ чтить память покойника О. Даніила, такъ это за его участливость во всякихъ нуждахъ учениковъ и за его хлѣбосольство ученикамъ не только своей квартиры, но и иныхъ. Случится ли нужда въ деньгахъ, на починку сапоговъ ли, или на большую надобность, у него можно было всегда получить ссуду. А

*) Изъ нихъ замѣчательными *спекуляторами* были: Валентъ Кудрицкій, Іосифъ Шиманскій и Стефанъ Костецкій. Ни одинъ изъ нихъ не достигъ своими пролазами того, чего желалъ: всѣ они исключены еще изъ низшихъ училищныхъ классовъ.

сколько чашекъ чаю, тогда еще совсѣмъ недоступнаго для бурсаковъ, раздавалось каждое утро не только больнымъ, но и здоровымъ. А сколько пироговъ и другихъ разныхъ печеній и вареній мнѣ самому, по порученіямъ Д. М., приходилось относить въ семинарскую и училищную больницу, а также молока, для утоленія алчбы и жажды страждущихъ. И это повторялось не только въ праздники, но и по постамъ, когда особенно чувствовалась потребность въ семъ неимущими. Однимъ словомъ *милость и кротость* покойнаго протоіерея Даніила изъ таковыхъ, кои въ смыслѣ евангельскомъ *наслѣдятъ землю,—наслѣдятъ и небо*, по упованію и немолчнымъ молитвамъ къ Богу Вседержителю отъ многихъ имъ благодѣтельствованныхъ.

Сельскій священникъ.

Изъ деревенской жизни.

Представляю небольшую картинку. Обыденная камера мироваго судьи. Десятокъ крестьянъ стоитъ въ ней, тяжело дыша изъ себя махоркой; еврей, стоя у стѣны, молча, пальцами перибираетъ себѣ бороду и по временамъ жуетъ ее во рту; еще еврей торопливо снуется межъ народомъ, часто шепчется съ первымъ и часто выходитъ изъ камеры и опять въ нее возвращается; еще два мужика у порога стоятъ отдѣльно, а у окна на стулѣ не совсѣмъ спокойно посиживаетъ батюшка. Ждутъ выхода судьи. Происходитъ обычное небольшое движеніе, когда онъ вышелъ изъ боковой двери камеры. Возстановляется тишина, когда онъ усѣлся и надѣлъ на себя знакъ. Начинается разборъ жалобы еврея на крестьянъ за неустойку ихъ въ контрактѣ: набрали-де впередъ денегъ на возку дровъ на берегъ рѣки, а возятъ другому лѣсопромышленнику (этому второму еврею, шатающемуся по камерѣ). Дѣло тянется долго, утомительно, но настаетъ же конецъ и ему. Непосредственно за нимъ выступаетъ и другое дѣло. Происходитъ съ нѣсколько возвышеннымъ акцентомъ декларація: Священникъ N обвиняется крестьяниномъ О. въ томъ, что онъ назвалъ послѣдняго воромъ. Изъ крайне скучнаго судоговоренія оказывается, что священникъ дѣйствительно назвалъ своего прихожанина воромъ, разсердившись на него за что-то и не допустивши на клиросъ (жалующійся крестьянинъ пѣвецъ на клиросѣ); оказывается далѣе, что пѣвецъ дѣйствительно «выдралъ» у кого-то медъ изъ бортя, и священникъ въ сердцахъ бросилъ ему этотъ укоръ. Дѣло заканчивается коротко: судья, молча, что-то пишетъ; затѣмъ, черезъ минуты двѣ, публика, стоя, слушаетъ рѣшеніе: священникъ N. плотитъ крестьянину О. три рубля штрафу. Камера пустѣетъ.

Насъ, конечно, занимаетъ вторая сценка этой несложной картины изъ жизни въ деревенской глуши. Дѣло выходитъ, согласны, некрасивое и въ данномъ случаѣ мы не слишкомъ стоимъ за священника, допустившаго въ сердцахъ безтактность. Находимъ однако его малодушнымъ и наивнымъ даже: онъ смиренно ложитъ три рубля, и, выходя изъ камеры, можетъ еще говорить самому себѣ: а ну его, совсѣмъ: мужикъ хотѣлъ подавать прошеніе въ консисторію, хорошо еще, что кто-то надоумилъ его подать жалобу мировому; тутъ и кончилось; а то наѣхала бы цѣлая комиссія производить дознаніе.

Повторяемъ—картина не сложная. Но по поводу этой сценки у насъ поднимается цѣлый ворохъ соображеній и размышленій самаго тягостнаго свойства. Этакія юридическія свѣдѣнія у прихожанъ нашей мѣстности. Этакое щекотливое обереганіе у нихъ гражданской своей чести. Знаю по опыту и допускаю по предположенію, что не одному изъ насъ, священниковъ, случаются такіе казусы, случаются даже болѣе чистые: просто-ва просто скажешь пьяному воспріемниву: ты, братецъ, пьянъ, на ногахъ не можешь стоять, дитя уронишь, языкомъ не повернешь «вѣрую» читать: все это, братъ, грѣхъ. А этотъ братецъ въ безуміи отвѣчаетъ: кто? Я пьянъ? Какъ вы смѣете меня звать *пьяницей*, я честный хозяинъ, я подамъ на васъ жалобу, я требу пришелъ сполнять, а вы не допускаете, я начальству зàразъ! Что прикажете съ такимъ братцемъ дѣлать? Устраняешь его отъ чести быть воспріемникомъ, а не устранить невозможно, и наживаешь ругани и самой серьозной, долговременной и затаенной вражды. А то, напр. у меня въ прошломъ году, въ ночь съ 5 на 6 августа, нѣсколько дюжихъ, женатыхъ парней ворвались въ садъ возлѣ моей квартиры. Опустошили грушу, изломали громадную вѣтвь дерева. Поутру вижу—на вѣткахъ клочки штановъ и одна вѣтка замѣтно окровавленная. Того же дня все село знало, кто изорвалъ бѣлье и окалѣчился на «поповой» грушѣ. По моему обычаю, я вовсе ве доискивался виновниковъ этой обыденной деревенской экспедиціи, молчалъ, но зналъ, кто изодралъ себѣ бокъ. Черезъ долгое время этому парню понадобилось быть у меня—также восріемникомъ при крещеніи. По совершеніи требы я съ улыбкой замѣтилъ ему: какъ, молъ, бокъ у тебя, Иванъ, зажилъ ли, что подралъ его на моей грушѣ. Боже мой, мнѣ не повѣрятъ. Иванъ-чуть чуть не позвалъ меня къ мировому судьѣ: „какъ, у васъ есть свидѣтели, что я кралъ у васъ груши?“ И только потому не подалъ жалобы, что мнѣ пришлось уже совсѣмъ безъ улыбки, спокойно уличить его и назвать его продѣлку собственнымъ ея именемъ.

Но все это въ сторону. Понятно, что есть много условій, при которыхъ одинъ и тотъ же фактъ получаетъ разные оттѣнки, одно и тоже обличеніе священникомъ прихожанина, названіе, положимъ, дурнаго его поступка будетъ или пастырскимъ авторитетнымъ обличеніемъ или же плоскою руганью, ставящею священника, на одну доску съ обличаемымъ. Но если уже дѣло идетъ до мироваго судьи, то послѣднему слѣдовало бы съ достаточною тонкостью вникать въ детали дѣла, не быть тенденціознымъ и быть малую толику психологомъ. Такъ наприм., въ выше приведенной картинкѣ—почему бы судьѣ не разобрать, что жалующійся на священника прихожанинъ въ заправду таки выдралъ медъ у своего односельца и только дѣло кончилось у нихъ, по обычаю, домашнимъ способомъ: „замиреньемъ,“ существенный символъ котораго всегда въ такихъ случаяхъ—извѣстно что! Казалось бы просто сказать истцу: я вижу, что есть вѣроятность, что вы похитили

медъ у своего односельца, но такъ какъ ко мнѣ не поступало жалобы отъ него, и вы обоюдно помирились домашнимъ способомъ, то вы только юридически здѣсь правы, а существо вашего дѣянія пребываетъ неизмѣнно, и священникъ только назвалъ его собственнымъ именемъ. И только. Такъ нѣтъ же: видится эта враждебная тенденціозность, готовая оштрафовать священника за рѣчь его даже съ церковной каѳедры, а ужъ бѣда, если обличеніе сорвалось безъ такта. Ну, проведите вы до конца это требованіе деликатности священника въ отношеніи къ своимъ прихожанамъ: не окажется ли, что ему нельзя будетъ пикнуть ни одного слова, если это слово не будетъ милѣйшею улыбкою, одобреніемъ, любезностію къ самому взбалмошному субъекту между своими прихожанами Не окажется ли въ концѣ концовъ, что только и возможно будетъ существованіе священника въ приходѣ, что въ качествѣ *persona grata*, любезно кланяющейся на всѣ стороны и улыбающейся, тогда какъ окружающая его нравственная сфера денно и ночно наполнена руганью.

Мы думаемъ напротивъ: populum, какъ и puerum, rege: quia nisi paret, imperat. Всеконечно требуется малая толика мудрости для этого rege.

Въ дружеской бесѣдѣ съ сосѣдомъ священникомъ, съ которымъ случилась вышепрописанная бѣда, мы дали ему такой совѣтъ: нечего разкисать и строить изъ себя казанскую сироту; личностей въ обличеніяхъ избѣгайте всеконечно: пусть мотивы обличеній будутъ у васъ, по возможности, чисто евангельскіе. Но никогда не смущайтесь смотрѣть въ лицо всякой гадости и называть ее собственнымъ ея именемъ, хотя бы имя это было и рѣзко и хотя бы за это имя звали васъ передъ десять мировыхъ судей. Думаю, что и трехъ рублей не положимъ, если при обличеніяхъ будемъ предносить предъ собою десятую главу Ап. Павла во второмъ посланіи къ Коринѳянамъ. А на худой конецъ, если судья все таки будетъ жестокъ, единственное успокоеніе наше въ словахъ того же Апостола 1 Кор. VI, 7;—въ глубокомъ, сознательномъ изволеніи: все свое униженіе и оскорбленіе внутренно приносить въ жертву Богу. Хотѣлось было дать совѣтъ—не являться вовсе мировому судьѣ въ подобномъ случаѣ, но изъ глубокаго уваженія къ принципамъ мироваго суда мы удержались отъ этого совѣта. Къ тому же мы нашли своеобразный резонъ въ соображеніяхъ собрата, когда онъ выходилъ изъ камеры. Вещь совершенно позволительная—соглашаться на судъ у мироваго судьи, если не желательно видѣть у себя цѣлой комиссіи.

О, знаемъ и чуемъ мы это современное вѣяніе, знаемъ, что насъ хотятъ сократить до этой *persona grata*. Невольно припоминается ѣдкая сатира Щедрина „чумазый идетъ", гдѣ густыми красками мажется господство нахальства и невѣжества. То-то было бы раздолье этимъ милымъ явленіямъ всюду—отъ небольшой общины сельскаго прихода и до цѣлорусской земли, если бы имъ въ соединеніи съ извѣстнаго рода интеллигенами удалось припереть пастырей церкви въ тѣсный уголъ, устранить отъ участія въ текущей жизни, оставивъ имъ безпочвенную область морали.

N. N.

Профессоръ *А. Вороновъ.*

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Печатать дозволяется, 27 іюля 1882 г. Кіевская Духовная Академія.

Кіевъ. Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица собств. домъ.